хотя бы прикидочную реконструкцию *пра*списков для сравнения на глубоких хронологических уровнях, оно, на наш взгляд, представляет собой вполне законный и, может быть, даже оптимальный способ формулирования серьезных гипотез языкового родства на разных уровнях *без* сопутствующего требования полной реконструкции этимологического корпуса (которая, кстати говоря, для многих языковых семей по ряду технических причин вообще не может быть осуществлена).

Что касается альтернативных критериев, защищаемых в последнем абзаце текста КП (морфологические изоглоссы, фонологическая статистика и т. п.), то, разумеется, ни «предварительная», ни «финализирующая» лексикостатистика не отменяют их значимости. Дело здесь скорее в следующем: для любой науки важная задача — правильная расстановка приоритетов, а для лингвиста, занимающегося проблемами языкового родства, важнейший приоритет — выявление в языке максимально устойчивого «ядра». На роль такого «ядра» в качестве *универсального* стандарта, как неоднократно аргументировал в своих работах С. А.

Старостин (и с этим я полностью согласен), в наибольшей степени претендует именно базисная лексика, а если это так, то, разумеется, все остальные критерии по определению могут быть обозначены как «сопутствующие». Другое дело, что бывают ситуации, когда (а) базисная лексика сравниваемых языков известна нам в недостаточной степени — например, из-за неаккуратности описания, или из-за того, что описание фокусируется исключительно на грамматике, или, как это часто бывает с древними письменными языками, известные нам тексты представлены лексикой в основном культурного характера; (б) сравнение базисной лексики осуществляется некорректным образом — это уже вина исследователя, а не искривление закономерного процесса языковой эволюции. И с той, и с другой ситуацией надлежит бороться — в первом случае стремиться к полноте и аккуратности описания, а также к полноценному учитыванию всех доступных источников, во втором — к повышению качества методологии, в чем мы все, разумеется, заинтересованы и чему, хотелось бы надеяться, данная дискуссия тоже будет способствовать.

К. И. Поздняков
INALCO, IUF, LLACAN-CNRS (Paris)

От дальнего родства позиций — к ближнему
(ответ на отзывы Г. С. Старостина и Д. Р. Лещинера)

Прежде всего хочу поблагодарить журнал за предложение опубликовать статью в рубрике «Дискуссии». Это идеальный формат для любого автора: он позволяет получить квалифицированные отзывы на публикацию и к тому же ответить на критику. В определенном смысле проще отвечать, когда в отзывах выражается прямое несогласие с авторской позицией. Сложнее реагировать, когда рецензенты обсуждают мотивы написания статьи, цели, которые преследовал автор, круг ее потенциальных читателей и другие вопросы, имеющие лишь косвенное отношение к развиваемым в статье положениям, и при этом выражают согласие с ее основными тезисами. Если оставить в стороне дипломатические обороты, суть отзыва Г. С. Старостина (далее — Г.С.) я понял так: в статье содержатся отдельные интересные наблюдения, но не вполне

ясно, зачем и для кого их нужно публиковать. Г.С. прямо характеризует статью «как набор любопытных и во многом полезных размышлений, формально связанных друг с другом, но не имеющих единой общей цели (по крайней мере, очевидной)». Прежде всего, я охотно принимаю первую часть этой формулировки. Что касается «целей», то они вполне точно сформулированы самим Г.С. в конце его отзыва: «в статье кратко и наглядно суммируются все основные проблемы, которые ожидают исследователя при попытке применения метода „предварительного лексикостатистического обследования“ к материалу столь трудного языкового массива, как атлантический». Надеюсь, что это именно так — для этого статья и написана.

Тогда в чем же основная проблема, которая перевела статью в русло полемики? В отсутствии по-

тенциального читателя, которому эти проблемы могли бы быть интересны? В отзыве Г.С. высказывается мнение, что вопрос, поставленный в первой части статьи¹, не имеет адресата, поскольку он не интересен ни «сплиттерам» (а), «ни ламперам» (b) и при этом статья не «обращена на критику» общих теоретических положений, сформулированных в монографии Г. С. Старостина (с), ибо подменяет важные исходные посылки другими. Охотно принимаю и эти три пункта, хотя не скрою, что выстроенная триада меня несколько озадачила и заставила задуматься, поскольку мне действительно нечего сказать ни сплиттерам, ни ламперам, ни теоретикам глобальной макрокомпаративистики.

Последний пункт для меня по ряду причин особенно важен, и мне хотелось бы, чтобы именно в нем авторская позиция была сформулирована предельно четко. Мне будет искренне жаль, если у читателя сложится впечатление, что в статье делается попытка ревизии основных принципов использования лексикостатистики для установления дальнего родства, разработанных московской школой компаративистики. Эти принципы системно обсуждаются в монографии Г. С. Старостина «Языки Африки», которая на сегодняшний день является, по моему убеждению, лучшей обобщающей публикацией на эту тему. Еще раз подчеркну то, что прямо написано в статье: я не только высоко ценю эту монографию, но и полностью разделяю ее основные положения. В целом я, как и многие компаративисты, с интересом слежу за глобальным проектом «*Evolution of Human Languages*» (одним из руководителей которого является Г. С. Старостин), нацеленным на создание единой генеалогической классификации языков мира. Отсюда ясно, что предложенная мной статья не полемизирует с изложенными в монографии Г. С. Старостина принципами — она на них опирается. Что же касается сплиттеров и ламперов, то позволю себе напомнить, что параллельно с этими достойными людьми существуют конкретные специалисты в конкретных областях сравнительно-исторического языкознания. Занимаясь малоизученными семьями языков, они вправе задать себе вопрос, который, строго говоря, не имеет отношения к классическому сравнительно-историческому методу²:

можно ли построить генеалогическую классификацию этих языков, и если можно, то как это сделать?

К таким специалистам относит себя и автор, размышления которого адресованы специалистам в смежных областях. Почему бы в таком случае не взять «атлантический фрагмент» мировой лексикостатистической классификации и попросту не опубликовать его с минимальными комментариями? Ответ на этот вопрос и может, вероятно, объяснить суть «полемики».

Года четыре назад с моим коллегой Гийомом Сежерером мы решили пересмотреть генеалогическую классификацию атлантических языков, которыми давно занимаемся, и даже опрометчиво объявили о готовящейся публикации на эту тему. Казалось бы, в чем здесь проблема? Мы заполнили матрицу по стословнику Сводеша и, пользуясь личными связями, обратились к Г. С. Старостину с просьбой обработать наши данные. Через несколько дней (ноябрь 2010) мы получили красивое дерево³. Казалось бы, можно было опубликовать его и считать вопрос закрытым. Но дело в том, что, изучив это дерево, мы увидели, что публиковать его нам совсем не хочется.

Какие результаты мы получили? Праатлантический язык датировался приблизительно 10 000 до н. э. Для тех, кто следит за развитием атлантической компаративистики, это может показаться невероятным. Накапливается все больше аргументов для того, чтобы считать, что традиционно объединяемые в одну группу языки мель и собственно атлантические языки представляют собой две самостоятельные ветви нигер-конго, а это значит, что указанная дата может относиться к времени распада нигеро-конголезского языка. Но далее оказывается, что ряд языков, традиционно относимых к североатлантическим языкам (волоф, нун, буй), отстоят дальше от остальных северных языков (фула, сереер, тенда и др.), чем, например, языки бак (диола и проч.)! Эта «революция» в атлантическом языкознании прослеживается в период 5000—6000 до н. э., причем очевидно, что по-другому интерпретированные три-четыре слова могут радикально изменить классификацию в ее наиболее важных фрагментах⁴. Понятно, что такое дерево публиковать не только бессмысленно, но и

¹ Г.С. формулирует его так: «Можно ли классифицировать языки на уровне макросемей, не используя ступенчатую реконструкцию на базе сравнительно-исторического метода?»

² О соотношении генеалогической классификации и собственно сравнительно-исторического метода интересно писал В. Я. Порхомовский (Порхомовский 1982).

³ Еще раз хочу поблагодарить Г. С. Старостина и его коллег за оперативную помощь.

⁴ Близкие языки легко объединяются в группы без использования лексикостатистики. Можно сказать иначе: они объединяются в результате применения любой лексикостатистической методики, кроме заведомо абсурдных.

вредно, учитывая, что классификации языков имеют свойство широко тиражироваться и в итоге возвращаться к авторам в виде незыблемых истин.

Снова с помощью Г. С. Старостина мы сделали вторую попытку. Отказавшись от формальных критериев установления сходств, мы заново заполнили матрицу, используя наши (пока еще очень фрагментарные) знания в области атлантической этимологии, и получили новое дерево (март 2011). Естественно, наш праязык значительно помолодел. Разделение собственно атлантических языков и языков мель датируется в новой «классификации» как 6500 до н. э., а разделение собственно атлантических языков (без изолированных языков лимба и гола) на две большие группы — как 5600 до н. э. Исчезли явно нелепые группировки языков, но процент сходств, определяющий отнесение некоторых языков (или подгрупп) к одной из двух групп остался настолько мал, что та или иная интерпретация по-прежнему не может считаться надежной. Так, язык налу объединился с северными языками (при этом индексы его сходств колеблются от 0,10 с волоф до 0,21 с джаад) и, соответственно, отделился от центральных языков, индексы сходств с которыми колеблются у налу от 0,08 с диола керак до 0,18 с балант и манкань. Индексы не только мало различаются в двух группах, они и очень малы абсолютно — настолько, что приближаются к интуитивному порогу случайности. Так, языки пепель и суа показывают 3% сходств, а внутри собственно атлантических биджого-буй дают 8%, как и рассмотренная выше пара налу — диола керак.

Отсюда, в ходе работы над конкретным атлантическим материалом, и возник вопрос — а собственно, сколько случайных сходств между двумя неродственными языками мы должны получить? Оказалось, что этот вопрос изучен явно недостаточно, причем немногочисленные публикации на эту тему ограничиваются несколькими конкретными критериями формального определения сходства и не затрагивают другие алгоритмы (формализованные или интуитивные), которые применяются компаративистами на практике. Так, автору пришлось самому анализировать критерии сходств у Гринберга — их никто, насколько мне известно, не публиковал, хотя ссылок на Гринберга имеются сотни, если не тысячи. Мне показалось интересным поделиться результатом моего анализа с компаративистами, работающими с другими языками. Так, например, Гринберг сближает только **одинаковые** велярные и палатальные и практически никогда не сближает **разные** согласные

внутри этих двух рядов (например, [č] и [j]). Это значительно более строгий алгоритм, чем допуск различия по одному признаку и тем более допуск сближения в рамках консонантного класса. И тем не менее случайные сходства по критериям Гринберга должны составить не менее 16%, если логика моих подсчетов верна (а ее вроде бы мои оппоненты не оспаривают). Предлагая для публикации результаты такого рода, я надеялся (и продолжаю эту надежду питать), что они могут быть интереснее коллегам, чем очередные общие рассуждения «за» или «против» массового сравнения.

При тестировании количества ожидаемых случайных сходств я использовал очень разные критерии — от самых строгих до наиболее свободных. В отзыве Г.С. выводы первой части статьи ставятся под сомнение в связи с тем, что автор «использует чрезвычайно либеральный алгоритм сопоставления». Но единственная «позитивная» гипотеза статьи, касающаяся минимального числа сходств, ориентирована на самый строгий из всех возможных критериев! В статье на основе исследования вероятностей совпадений высказывается предположение о том, что 5% **полных** сходств убедительно свидетельствует о родстве языков. Если мы будем считать только примеры полной идентичности согласных в двухконсонантных корнях списков французского и русского языков, мы получим 7 сходств, а именно: *mourir* — *умирать* 13⁵, *lune* — *луна* 18, *nouveau* — *новый* 23, *plein* — *полный* 34, *soleil* — *солнце* 39, *blanc* — *белый* 79, *écorce* — *кора* 102. Вероятность случайности этого события настолько низка, что языки можно считать родственными. Конкретно, при 20 согласных в каждом языке и при самых благоприятных условиях для их случайных совпадений (одинаковый инвентарь согласных в двух языках и равные частоты согласных во всех позициях⁶) вероятность полного совпадения одного слова стословного списка (по двум согласным) составляет всего четверть процента ($100 * 0,05 * 0,05$). Подчеркну, что обратная ситуация (отсутствие совпадений) не говорит об отсутствии родства. Так, сопоставление английского и русского списков дает только один пример, удовлетворяющий заданным жестким условиям (если отвлекаться от ситуации с гласными): *many* — *много* 106.

⁵ Цифрами обозначены ранги стабильности приведенных значений по С. А. Старостину. Тестирование проводится без учета фактора заимствований.

⁶ Важный в практическом отношении вывод, обоснованный в статье: чем больше варьируют частоты согласных, тем больше вероятность их совпадений / сходств в разных языках.

Вернемся к атлантическим данным. Сходства в стословнике для языка лимба, который традиционно объединяют с атлантическими, дают следующие проценты:

- лимба — североатлантические языки — от 7% до 13%.
- лимба — центральноатлантические языки — от 4% до 14%.
- лимба — мель языки — от 6% до 12%.

Убежден, что, как для меня, так и для моих оппонентов бесспорно следующее: за фрагментом дерева, на котором лимба оказывается на 250 лет ближе к северно- и центральноатлантическим языкам (6250 до н. э.), чем к мель (6500 до н. э.), ровно ничего не стоит. Такая конфигурация определяет одним-единственным сходством. Вместе с тем, очевидно, мы не можем утверждать, что язык лимба неродственен атлантическим языкам и языкам мель, хотя мой «слишком вольный алгоритм» предполагает, что чисто случайные сходства должны давать не меньший процент. То есть про связи лимба мы не можем сказать ничего. Посмотреть, сколько слов из семи имеет высокий ранг семантической стабильности, а сколько — низкий, конечно, можно, но и на этом классификацию не построишь.

Можно объявить язык лимба отдельной ветвью нигер-конго, т. е. приписать языку лимба тот же статус, что и, например, семье бенуэ-конго. Такое решение легко обосновать, и формально оно будет выглядеть безукоризненным. Но все ли возможности мы испробовали, чтобы объединить лимба с атлантическими языками, что соответствовало бы традиционному взгляду на положение лимба? На чем основан (кроме географии) этот интуитивный традиционный взгляд, который разделяется ведущими специалистами? Не стоит ли в этом случае опереться на данные исторической морфологии и, прежде всего, на системы именных классов, которые по ряду важных параметров оказываются более близкими у лимба и у атлантических языков и не похожи в этом плане на системы языков банту? Не имеет ли смысл, в ситуации, когда индексы сходств слишком малы, изучить в первую очередь те 47 слов лимба из стословника Сводеша, которые не находят видимых параллелей ни в одном из десятков атлантических языков? Это далеко не полный круг вопросов, которые должны, на мой взгляд, интересовать специалистов, занимающихся генеалогической классификацией языков Африки, и которые мне представлялось важным обсудить в статье. Если «максимально устойчивое „ядро“» (Г.С.) в языках уже **известно и является универсальным**, то почему же «для лингвиста, занимающего-

ся проблемами языкового родства, важнейший приоритет — выявление в языке максимально устойчивого „ядра“» (Г.С.)? Зачем так важно выявлять заново то, что известно заранее? Применительно к атлантическим языкам могу сказать ответственно: если выбирать из двух предложенных формулировок Г.С., следует выбрать вторую, а именно выявить наиболее устойчивый пласт форм, применяя весь комплекс возможных подходов, уже апробированных или совсем новых.

Отмечу, что, на наш взгляд, наиболее показательным для атлантической классификации является традиционный поиск инноваций в лексике и особенно в морфологии и максимальная тщательная верификация этих инноваций с привлечением данных внешнего сравнения. Неожиданно интересные результаты дает и анализ «изолированной» лексики — подход, который рассматривается в третьей части статьи. Я рад, что Г.С. «полностью согласен с идеей автора о том, что такие корни следует как минимум инвентаризировать и публиковать». Более того, резюме Г.С. как нельзя лучше суммирует то, что я пытаюсь донести до читателя — с большим удовольствием приведу формулировку из отзыва Г.С.: «Вообще, на мой взгляд, одна из основных проблем современной макрокомпаративистики связана с чрезмерным фокусированием исследователя на „общем“ между дальнородственными языками — качественная теория родства требует не только обнаружения между ними системных сходств, но и реалистичного учета и объяснения накопленных расхождений». По-моему, лучше не скажешь. Замечу, что далеко не все компаративисты готовы принять эти положения.

Допуская принципиальную ценность изучения изолированных корней, Г.С. выражает сомнение в перспективности их использования для определения рангов стабильности. В этой связи хочу воспользоваться этим пунктом, чтобы высказать некоторые общие соображения о применении статистики в сравнительно-историческом языкознании (помимо традиционной лексикостатистики). Давние поиски в этой области⁷ и многочисленные обсуждения разнообразных методик с коллегами, а также со специалистами в области статистики сформировали у автора твердое убеждение, что «идеальных» формул в этой области не существует.

⁷ Взгляды автора на этот вопрос впервые системно изложены в разделе «Статистика и компаративистика» книги [Поздняков 1993]. Препринт последней общей публикации на эту тему — «Statistique et comparatisme» — доступен на <http://pozdniaikov.free.fr>.

Прежде чем раскрыть это «крамольное» положение, позволю себе привести легенду, которую мне довелось слышать в аспирантские годы в Институте языкознания АН СССР (еще на Волхонке). На одной из конференций к трибуне вышел очередной докладчик. Он выдержал эффектную паузу, а затем резко выхватил длинную линейку и, потрясая ей, сообщил притихшей публике: «С этого инструмента должно начинаться любое лингвистическое исследование!» Занимался докладчик полисемией. Он ее мерил... в сантиметрах, сравнивая длину словарных статей. Логика была неуязвима: в статье к слову *телефон* — мало сантиметров, а к слову *резать* — много; следовательно, слово *резать* — полисемичнее. Зададим себе вопрос: работает эта статистическая методика или нет? В принципе работает. Если у скептиков найдутся контрпримеры, методику можно будет скорректировать. Возможно, кто-то предложит новую методику, которую проще применить сегодня: можно мерить не в сантиметрах, а в количестве слов словарной статьи. Более того, если поставить себе глобальную задачу — выделить 100 наиболее полисемичных слов в языках мира — возможно, это будет единственная статистическая методика, у которой будет шанс дать любопытные результаты при минимуме временных затрат.

Подчеркну, что, приводя этот лингвистический анекдот, автор не предлагает читателю мерить ранг стабильности слов «в попугаях». Просто одна из ключевых проблем в подборе статистической формулы к сложнейшим языковым массивам, на формирование которых оказывает влияние множество разнообразных факторов, состоит в подборе такой формулы, которая, минимально искажая результат, была бы максимально проста и максимально прозрачна. Под прозрачностью здесь понимается, прежде всего, «физический смысл» формулы, который понятен лингвисту. Так, процентное отклонение от среднего физически понятнее, чем квадратичное отклонение, и при этом для многих массивов применение критерия χ^2 при всех его очевидных преимуществах существенно не меняет получаемые результаты.

В формулу С. А. Старостина, рассмотренную в статье, заложена попытка нейтрализовать очевидную «зависимость коэффициента стабильности от глубины семьи и числа сравниваемых языков». Вместе с тем применение предложенной процедуры подсчета индексов разрушает прозрачность формулы в указанном выше смысле и к тому же предельно затрудняет количественное сопоставление индексов (они задуманы как относительные,

а не абсолютные). Последнее для меня было особенно важно, потому меня интересовало именно сопоставление индексов по каждому отдельному значению. Достаточно неожиданным для меня оказалось то, что применение более простой и физически понятной формулы дает не менее точный результат, а это означает, что влиянием указанного фактора, на который вводился коэффициент, вполне можно пренебречь. Более того, выяснилось, что по ряду важных параметров «примитивная» формула работает лучше: полученные с ее помощью результаты позволяют «узаконить» именно те изменения в первой половине списка Сводеша, которые московская школа и предлагает ввести, обосновывая эти изменения «техническими (?) причинами» (Г.С.). И наконец, оказалось, что очень неплохие результаты дает использование другого простейшего критерия — отношение количества корней в рамках одного значения к количеству языков. Достоинство этого критерия в том, что он учитывает и корни-изоляты, и, таким образом, выявляется, например, особый статус языка лимба при его сопоставлении с атлантическими языками. В связи с этим мне непонятен комментарий Г.С.: «Ранжирование сводешевских элементов на этой основе, скорее всего, будет как минимум сильно отличаться от ранжирования по методу Старостина [...] впрочем, попробовать, конечно, можно». Вообще-то говоря, я попробовал. Результаты такого ранжирования — в тексте статьи, что позволяет рассчитывать на более предметный уровень критики.

В целом приходится признать, что ответственность за целый ряд указанных недоразумений несет автор — вероятно, следовало более четко обозначить задачи статьи в начале и суммировать выводы в заключении. Однако дело не только в этом: суть полемики, как мне показалось, не в столкновении двух разных точек зрения, а в существовании разных углов зрения на одну проблему, — в разных **ракурсах** рассмотрения проблем дальнего родства. Рискну предположить, что у меня будет еще меньше расхождений с Г.С. — автором генеалогической классификации койсанских языков, чем с Г.С., защищающим глобальный проект классификации языков мира.

В этом плане мне был чрезвычайно интересен и третий угол зрения на количественные критерии установления родства и рангов семантической стабильности, представленный в отзыве авторитетного специалиста в области статистики Д. Р. Лещинера. Прежде всего, для меня важно, что предлагаемые в статье количественные критерии в основ-

ном успешно прошли профессиональную экспертизу. Помимо этого, считаю нужным отметить, что отзыв Д. Р. Лещинера, изложенный в виде «Заметок», имеет, на мой взгляд, самостоятельное научное значение безотносительно к обсуждаемой статье. Я имею в виду последнюю часть «Заметок», посвященную возможностям исчисления «апостериорной вероятности родства слов» и подходам к

«ступенчатой» лексикостатистике. Эти новые подходы представляются мне перспективными, тем более, что они заставляют задуматься над рядом других, практически не исследованных вопросов, и, в частности, над вопросом о влиянии конфигурации генеалогического древа на возможности реконструкции. Впрочем, это уже предмет отдельной дискуссии.

Литература

- Поздняков 1993 — К. И. ПОЗДНЯКОВ. *Сравнительная грамматика атлантических языков*. М.: Наука, 1993. [K. I. POZDNYAKOV. *Sravnitel'naya grammatika atlanticheskikh yazykov*. M.: Nauka, 1993.]
- Порхомовский 1982 — В. Я. ПОРХОМОВСКИЙ. Проблемы генетической классификации языков Африки // *Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства*. М.: Наука, 1982. [V. Ya. PORKHOMOVSKIY. *Problemy geneticheskoy klassifikatsii yazykov Afriki // Teoreticheskie osnovy klassifikatsii yazykov mira. Problemy rodstva*. M.: Nauka, 1982.]
- Г. Старостин 2013 — Г. С. СТАРОСТИН. *Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации*. Т. 1: *Методология. Койсанские языки*. М.: ЯСК, 2013. [G. S. STAROSTIN. *Yazyki Afriki. Opyt postroeniya leksikostatisticheskoy klassifikatsii*. T. 1: *Metodologiya. Kojsanskie yazyki*. M.: YaSK, 2013.]
- С. Старостин 2007 — С. А. СТАРОСТИН. Определение устойчивости базисной лексики // С. А. СТАРОСТИН. *Труды по языкознанию*. М.: ЯСК, 2007. С. 827—839. [S. A. STAROSTIN. *Opreделение ustojchivosti bazisnoj leksiki // S. A. STAROSTIN. Trudy po yazykoznaniyu*. M.: YaSK, 2007. S. 827—839.]
- Campbell & Poser 2008 — L. CAMPBELL, W. J. POSER. *Language Classification: History and Method*. Cambridge University Press, 2008.
- Greenberg 1963 — J. GREENBERG. *The Languages of Africa*. Bloomington: Indiana University Press, 1963.
- Pozdniakov & Segerer 2007 — K. POZDNIAKOV, G. SEGERER. Similar Place Avoidance: A Statistical Universal // *Linguistic Typology* 11, 2. 2007. P. 307—348
- Sapir 1971 — J. D. SAPIR. West Atlantic: an inventory of the languages, their noun class systems and consonant alternation // T. A. SEBEOK (ed.). *Current trends in linguistics 7: Linguistics in Sub-Saharan Africa*. The Hague & Paris: Mouton & Co, 1971. P. 45—112.

Konstantin POZDNIAKOV. On the threshold of relationship and the “stability index” of basic lexicon in mass comparison: Atlantic languages

The paper deals with certain key aspects of the procedure of establishing long-range genetic relationship between languages in the absence of a classic step-by-step reconstruction, such as: 1) the issue of establishing the randomness threshold for lexical matches on the Swadesh 100-item wordlist, depending on the particularities of the employed algorithm; 2) the issue of stability ranking in the sphere of the basic lexicon; 3) the issue of multiple isolated roots that do not find any parallels in the other languages of the family. These general topics are discussed in the context of specific problems that arise during research on the genetic classification of Atlantic languages. The latter are traditionally considered to constitute a branch of the Niger-Congo macrofamily, but lexicostatistics suggests that their date of separation is no younger than 8000 BP. Two critical responses to the paper present further opinions on the difficult problematics of establishing long-range relationship; the author's final response is also to be regarded as an important constituent of the published paper.

Keywords: protolanguage reconstruction, basic lexicon, lexicostatistics, etymology, Atlantic languages, macro-comparative studies.